

УДК 1(091)

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ О ПОНИМАНИИ

В. А. Серкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург)
henrypooshel@rambler.ru

Аннотация. Последнее сочинение Александра Александровича Зиновьева «Фактор понимания» посвящено процессу понимания. В нем дана методология и предметная область понимания, наиболее близкая Зиновьеву, – социальная жизнь, в которой он видит смысл человеческого существования. Зиновьев анализирует сознание как сложноустроенную форму понимания основ своего существования, сознание в определенном смысле ответственно за мир, реализованный в нем, который может быть дефектным или, напротив, полным и гармоничным, поскольку другого у человека нет, его сознание – это посредник между возможностью осуществить в определенном виде реальность и этой «случившейся реальностью».

Ключевые слова: Зиновьев, понимание, социальная жизнь, производство настоящего.

Для цитирования: Серкова, В. А. (2022). Александр Зиновьев о понимании. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 127-132. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.127-132

ALEXANDER ZINOVIEV ON UNDERSTANDING

V. A. Serkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg)
henrypooshel@rambler.ru

Abstract. The last work of Alexander Alexandrovich Zinoviev “The Factor of Understanding” is devoted to the process of understanding. It provides the methodology and subject area of understanding closest to Zinoviev – social life, in which he sees the meaning of human existence. Zinoviev analyzes consciousness as a complex form of understanding the foundations of one's existence; consciousness is in a certain sense responsible for the world realized in it, which can be defective or, on the contrary, complete and harmonious, since man has no other; his consciousness is the mediator between the possibility of a reality realized in a certain way and this “reality that happened”.

Keywords: Zinoviev, understanding, social life, production of the present.

For citation: Serkova, V. A. (2022). Alexander Zinoviev on Understanding. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 127-132. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.127-132

Последней работой Александра Зиновьева был трактат «Фактор понимания». Без единой ссылки, без цитат, в обычной для Зиновьева манере рассуждения от первого лица, этот труд является подведением итога всего интеллектуального пути философа. Для Зиновьева форма этого сочинения органична, и многие его сочинения написаны как сплошной авторский текст, который сопротивляется обязательной и обременительной для него академической манере производства научных текстов. Даже когда Зиновьев оппонирует

другим мыслителям, не меньшего по сравнению с ним ранга, Марксу, например (в «Коммунизме как реальность», в «Кризисе коммунизма»), в тексте нет цитат. Это теоретизирование, вопреки принятым в научном мире традициям, полностью соответствует философской установке Зиновьева на «непрерывное думание» («Зиновьев часто говорил: “Я – думательная машина. Мне все равно, что думать”» [Ильинский, 2007, с. 9]). Что Зиновьев жил в режиме непрерывного бодрствования сознания – это очевидно. Он признает, что «понимание как процесс “изучения и усовершенствования” стало делом всей моей жизни с самой ранней юности (с конца тридцатых годов двадцатого века)» [Зиновьев, 2006, с. 5]. Последовательность его продвижения к пониманию состоит из следующих шагов: «логика и методология науки, социальные исследования (социология), публицистика, художественная литература» [Там же]. Уточнения требует результат произведенных усилий: «Каким словом назвать их именно как единое целое? Употребляемые в таких случаях привычные термины “философия”, “идеология”, “методология”, “мировоззрение” и т. д. непригодны, поскольку они неоднозначны, плохо определены и вызывают нежелательную ассоциацию, будто в моей книге будет говориться нечто подобное тому, что читатель найдет в сочинениях под такими названиями и что я сам отвергаю как непригодное для решения интересующих меня проблем. Поэтому я предпочел нейтральное выражение “интеллектуальный фактор” или “фактор понимания”» [Зиновьев, 2006, с. 6-7]. Что значит «понимание» для Зиновьева? Почему он избегает использовать мнения других мыслителей, которые тоже думали «о понимании», – Декарта, Канта, Розанова (написавшего целый трактат «О понимании», в котором, кстати сказать, как и в работе Зиновьева, ни одно авторитетное имя не упомянуто), Маркса? Что касается Маркса, то Зиновьев оппонировал ему практически во всех своих сочинениях, начиная с кандидатской диссертации, также пренебрегая цитирования источников. Зиновьев вовсе не был кабинетным ученым или мизантропом, удалившимся от своих коллег и от научного сообщества, хотя в его случае это сообщество в определенные моменты этого вполне заслуживало. Его лабораторией стало его собственное сознание. Его понимание было основано только на его собственных усилиях, в этом отношении он был последователем Сократа, полагавшего, что знания не перекачиваются из одной головы в другую по принципу сообщающихся сосудов. Зиновьева можно считать прямым восприемником античной майевтики – метода вынашивания и порождения истины посредством своих собственных усилий. Зиновьев опирается на логику, но логика для него – это один, наряду с языком, из аппаратов сознания. Что же такое сознание? Зиновьев подчеркивает, что сознание не универсально, оно у всех разной степени развитости, оно не наследуется и состоит из комбинации работы чувственного аппарата (ощущения, восприятия, представления), памяти и воображения. Сознание конструирует мир, достигая разных степеней совершенства в этом процессе. Бросающееся в глаза одиночество Зиновьева, выражающееся, помимо прочего, в отсутствии других персонажей в его художественных сочинениях (его персонажи-маски – это всего лишь alter-ego автора). Непризнание диалоговых отношений в его теоретических работах свидетельствует, что Зиновьев реализует «образ» мира

исключительно как свое понимание реальности. И это важно с точки зрения окончательного результата – мира как продуманного и понятого целого. От качества этого продуманного образа реальности зависит целиком и полностью в каком месте, в раю или в аду, окажется «изобретающий» его мыслитель. Безразличное равнодушие природы, как выражался И. Гете, преобразуется в конструированную реальность, которая ни хороша, ни плоха сама по себе. Мир оказывается порочным или грязным, или безрадостным, если породившее его сознание не имеет внутреннего источника гармонии, чистоты или радости. Именно в этом состоит «правда мира». И Зиновьев, не будучи ни солипсистом, ни последователем Декарта, Канта или Гуссерля, вполне отдавал себе в этом отчет. Не случайно он практически не употреблял слова «объективность», что для трезвого и последовательного материалиста, следует признать, очень необычно. Понимание глубокой ответственности за порожденный своим сознанием (точнее, пониманием) мир – вот что, на наш взгляд, определяет онтологическую, гносеологическую, аксиологическую и, самое главное, этическую основу процесса порождения мира в сознании. Кроме этого, самопорождающегося в нашем осмыслении мира, как итога не прекращающегося процесса понимания, другого никакого мира нет и не может быть. Никто за нас этот мир не помыслит, хотя, конечно, о других мирах сознания мы можем быть весьма хорошо осведомлены – это речь, устная и письменная открывает нам дверцу в эти бесчисленных чужие монады осознанного в ином опыте мышления. Мы довольно подробно «понимаем» чужую реальность. Мы можем принять ее или отвергнуть как несоответствующую нашему собственному опыту, но она никогда не мыслится нами как наша реальность. Наш собственный мир может казаться другим ясным или путанным, гармоничным или разорванным, ярким или серым, привлекательным или отталкивающим, продуманным или поверхностным. Он никогда не будет для них «истиной». Истина будет рождаться и корректироваться в пределах своего уникального, единственного экзистенциального пространства. Чем же, какими средствами можно укрепить эту порожденную «факторами понимания» реальность? Как можно обозначить границы или расширить горизонт событий, включенных в эту структуру понимаемой реальности? Ответ на такого рода вопросы дает Зиновьев, именно такому укреплению мира и истины о мире можно учиться у Зиновьева. Повторимся: здесь не поможет цитирование, привлечение в текст собственной реальности чужих мыслей, поскольку жизнь как реализация понимания – это длящийся непрерывно (удачный или неудачный) эксперимент над собой. Это самовоспитание, поскольку с собой надо бы договориться, чтобы реальность не двоилась и не расслаивалась на множественные фрагменты, не приведенные к единству, не удерживаемые в этом единстве натренированной волей, властью над собственными возможностями. Дисциплинированное сознание не подведет ни в момент теоретического раздумья, ни, тем более, в практической философии, поскольку именно здесь теория (гносеологические вариации и возможности мыслить и так, и эдак) превращается в необратимое событие – в поступок; и можно впоследствии сколь угодно долго объясняться, что хотел-то ты совершенно иного, что «так получилось», но никакое объяснение поступка отменить не может.

Что еще может повисить качество того мира, который реализуется в сознании как форма реальности как таковой? Исходя из опыта Александра Зиновьева, – ирония. Именно она позволяет все-таки прозвучать голосам протагонистов. Истина реализуется как процесс продвижения к ней, но не как множественное представление о предметах и, тем более, не как высказанное догматическое суждение. Это также опыт Сократа, который, в отличие от софистов, не вытеснял «иные мнения» силами своего интеллектуального превосходства, подобно сумоистам. Он позволял им высказаться, более того, поощрял всех этих Гиппиев, Ионов, Фразимахов, Ефтиронов и Евтидемов включиться на время в собственное понимание: «Сделай усилие, почтеннейший ...». Сократ поощряет своего собеседника, умаляет свои способности, притворяется «не знающим», слабым противником для завятых мастеров риторики и эристики. Мнение, с которым Сократ не может согласиться, тем не менее, имеет возможность прозвучать, реализоваться. И вот именно тогда начинаются иронические маневры: задаются безобидные по виду вопросы, уточняющие, что именно сказал протагонист, и реализуется в этих бесконечных уточнениях то, что вступает в полное противоречие с начальным мнением. И тогда проявляется истина как сложноустроенное понимание того, что действительно Сократ думает о предмете обсуждения, да и о самом своем собеседнике. Именно такой иронией владеет и Александр Зиновьев, и именно поэтому так не однообразны его плотные тексты, требующие неимоверного напряжения, чтобы обнаружить пустоты неистинных и непременно разоблачаемых суждений. Зиновьев не верит в «тенденцию к поумнению человечества» [Зиновьев, 2006, с. 521], и, вероятно, потому много иронических теней протагонистов включено в его сочинения. Однако софистика и ирония, примеры использования которой мы во множестве находим в «Зияющих высотах», «Гомо советикус», «Светлом будущем», «Желтом доме», в «Катастрожке», «Глобальном человеинике» или в «Исповеди отщепенца», вовсе не исключает провозглашения истины в, так сказать, прямом высказывании. В познавательном арсенале Зиновьева есть еще и иррациональные формы понимания, например, интуиция реальности, которая позволяет запускать механизмы предвидения, – поразительного знания будущего, очень развитого у Зиновьева. Ю. Солодухин, оценивая дар пророчества Зиновьева, пишет: «На мой взгляд, сегодня есть все основания утверждать, что гипотеза выдающегося ученого практически полностью подтвердилась» [Солодухин, 2007, с. 68]. Это относится, например, к тому, что теперь называют «технологической сингулярностью» – наступлением в обозримом будущем схлопывания человеческой цивилизации в неуправляемом и необратимом техногенном коллапсе, про который рассказано в «Глобальном человеинике». В состоянии политической постсингулярности мы себя обнаруживаем сегодня, о чем Зиновьев предупреждал нас много лет назад. О. Зиновьева вспоминает: «Его волновала судьба окопаченной послевоенной Европы, являющейся колыбелью европейской цивилизации. Поэтому все то, что происходило с Европой, особенно в оголтелые последние 10–20 лет, он воспринимал как величайшую опасность и бил в набат тревоги по поводу наступающей монополии зловещей генманипулируемой культуры, которая ведет к стерильному, бессмысленному, бесчеловечному, страшному миру, в котором все уже четко объявлено:

кто прав, кто виноват, что черное, что белое, какая идеология побеждает, какая страна возглавляет мир, кто мыслит, а кто нет. За нас разделили нашу территорию. За нас разделили нашу Родину. За нас решили, что важно, а что неважно в том, что делали наши предшественники. За нас уже решили, что Победа, которую одержала наша страна и советский народ в 1945 году, – это не наша победа» [Зиновьева, 2007, с. 192].

И в этом наступившем катастрофическом пророческом будущем, как никогда, имеет значение пример понимания Александра Зиновьева.

Список литературы / References

Зиновьев, А. А. (1981). *Мы и Запад. Статьи, интервью, выступления, 1979–1980 гг.* Lausanne, Suisse. L'Âge d'homme. 157 с.

Zinoviev, A. A. (1981). *Us and the West. Articles, interviews, speeches in 1979-1980.* Lausanne, Suisse. L'Âge d'homme. 157 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (2006). *Фактор понимания.* М. Алгоритм, Эксмо. 528 с.

Zinoviev, A. A. (2006). *The factor of understanding.* Moscow. 528 p. (In Russ.)

Зиновьева, О. М. (2007). Наш Зиновьев. *Зиновьевские чтения: материалы I Международной научной конференции.* Москва, 15-16 мая 2007 года. М. Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 189-199.

Zinovieva, O. M. (2007). Our Zinoviev. In *Zinoviev Readings: materials of the I International Scientific Conference.* Moscow, 15-16 May 2007. Moscow. pp. 189-199. (In Russ.)

Ильинский, И. М. (2007). А. А. Зиновьев: человек – нормальный. *Зиновьевские чтения: материалы I Международной научной конференции.* Москва, 15-16 мая 2007 года. М. Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 7-11.

Ilyinsky, I. M. (2007). A. A. Zinoviev: man is normal. In *Zinoviev Readings: materials of the I International Scientific Conference.* Moscow, May 15-16, 2007. Moscow. pp. 7-11. (In Russ.)

Солодухин, Ю. Н. (2007). Россия: постсоветизм. *Зиновьевские чтения: материалы I Международной научной конференции.* Москва, 15-16 мая 2007 года. М. Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 68-74.

Solodukhin, Yu. N. (2007). Russia: post – Sovietism. In *Zinoviev Readings: materials of the I International Scientific Conference.* Moscow, May 15-16, 2007. Moscow. pp. 68-74. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Серкова Вера Анатольевна – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, 3 учебный корпус, e-mail: henrypooshel@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4543-0496>

Статья поступила в редакцию: 25.04.2022

После доработки: 20.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Serkova Vera – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Social Sciences of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Politechnicheskaya Str., 29, 3 academic building, e-mail: henrypooshel@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4543-0496>

The paper was submitted: 25.04.2022

Received after reworking: 20.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022